

Олег Шелонин, Виктор Баженов

**ЭВРИТАНСКИЕ ХРОНИКИ
СЕРОЕ БРАТСТВО
СПЕЦАГЕНТ ИНКВИЗИЦИИ
ИЩУ СПАСИТЕЛЯ**

**ЛИКВИДАТОР НУЛЕВОГО УРОВНЯ
НЕВЕСТА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА**

Трилогия
«У ЛУКОМОРЬЯ»

**ОПЕРАЦИЯ «У ЛУКОМОРЬЯ...»
ДЕЛО «ТРИДЕВЯТЫЙ СИНДИКАТ»
АКЦИЯ «БЛИЖНИЙ ВОСТОК»**

Сериал
«АЛЕША ДРАКОНЫЧ»

**АЛЕША ДРАКОНЫЧ
БИТВА АФЕРИСТОВ**

Сериал
«АРКАНАРСКИЙ ВОР»

**ЛОВЕЦ УДАЧИ
АКАДЕМИЯ КОЛДОВСТВА
ДЖОКЕР**

Сериал
«БЕЗУМНЫЙ ЛОРД»

**БЕЗУМНЫЙ ЛОРД
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЛОРДА**

Сериал
«ПАЛАДИН»

**ПАЛАДИН. ИЗГНАННИК
ПАЛАДИН. СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ
ПАЛАДИН. БЛАГОСЛОВЕНИЕ**

Сериал
«ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК»

**ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК
ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК И ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА
ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК И ДОЧЬ ТЬМЫ**

Сериал
«АНГЕЛЫ МИЛЛЕНИУМА»

**АНГЕЛЫ МИЛЛЕНИУМА. ИГРУШКА НА УДАЧУ
АНГЕЛЫ МИЛЛЕНИУМА. ДИТЯ СТУЖИ**

Сериал
«ТРИНАДЦАТЫЙ НАСЛЕДНИК»

**ТРИНАДЦАТЫЙ НАСЛЕДНИК
ТРИНАДЦАТЫЙ НАСЛЕДНИК. РЕВИЗОР**

Олег Шелонин в соавторстве с Еленой Шелониной

ПОДКИДЫШ

Олег Шелонин, Виктор Баженов

Царский сплетник и дочь тьмы

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш42

Художник
В. Бабкина

Шелонин О. А., Баженов В. О.
Ш42 Царский сплетник и дочь тьмы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 314 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1238-9

Виталий Алексеевич Войко, знаменитый царский сплетник, как всегда, вляпался по самые не балуяся. Вроде и ЦРУ (Царское Разведывательное Управление) организовал, и газету, обещанную царю Гордону, наконец-то выпустил и все равно умудрился нарваться на элементарную подставу, став персоной нон грата в стольном граде Велюкореченске. Но на этот раз журналист решил разбираться с во­рогами земли Русской не по-детски, так как на кону теперь стояла не только его жизнь, не только жизнь царской семьи, но и жизнь его суженой Янки Вдовицы.

Все, шутки кончились. Операция «Борзой авторитет» началась...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1238-9
© Шелонин О. А., Баженов В. О., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Виталик сидел на уже привычном для себя месте, по правую руку от царя-батюшки Гордона, невозмутимо поигрывая боярским посохом. Сидел и потел в своей горностаевой шубе с царского плеча, которую вместе с боярской шапкой обязан был надевать на все официальные заседания боярской думы согласно протоколу, хотя в думе сегодня и без того было жарко. Страсти в тронном зале кипели нешуточные, и, надо сказать, повод для негодования у бояр был. Наконец-то вышел первый номер давно обещанной царским сплетником газеты «Великореченский вестник», экземпляр которой был у каждого боярина в руках.

— Нет, ты как хочешь, царь-батюшка, а я правду-матку прямо в наглую рожу ентому басурманину скажу! — разорвался боярин Кобылин, потрясая пахнувшей свежей типографской краской газетой. — Вы только посмотрите, бояре, на что такие огромные деньжищи пошли! Ентот изверг на наши же денежки на нас хулу возводит! Да ентот газетенкой только в отхожем месте подтираться! Боле она ни на что не годна!

— А вас, боярин, не смущает, что на ней портрет государя нашего нарисован? — полюбопытствовал Виталик. — Решили, значит, царем-батюшкой подтереться?

Боярин Кобылин так и застыл с открытым ртом.

— В кандалы его, — щелкнул пальцами Гордон.

Стрельцы заломили руки недалекому боярину и выволокли его из тронного зала.

— Слышь, Гордон, — прошептал уголком губ Виталик, — а ты не перегибаешь палку?

— Нормально, — так же шепотом откликнулся царь. — Считаю, первый выпуск уже окупили. Я с него, гада, не меньше пяти тыщ за оскорбление моего величества слуплю, а потом пусть катится на все четыре стороны.

— Ха! Первый выпуск... Да на такие деньги годовой тираж поднять мож... — Виталик прикусил губу.

— Это у тебя такая себестоимость? — ахнул Гордон. — Так наши соглашения пора пересмотреть.

— Ты не учитываешь вложений в производство карандашей, — заволновался царский сплетник. — Дело новое, неосвоенное, больших денежных вливаний требует...

Виталик нагло врал. Залежи графита, обнаруженные в тролльих землях Засечного Кряжа, решили все проблемы разом. Теперь, когда у него в Заовражной низменности есть мощная производственная база, а на подворье Вани Левши развернуты типографские цеха, смешать графит в нужной пропорции с глиной, обжечь и упаковать в деревянную заготовку трудностей не составляло. Новинка великореченцам и купцам иноземным пришлась по вкусу. Последние теперь скупали оптом не только бумагу по невероятно низким ценам, но и карандаши разной степени твердости большими партиями, везли все это за границу и загоняли там втридорога. Надо сказать, победа над шемаханской царицей принесла немалые дивиденды Виталику. Илаха, как оказалось, готовилась к вторжению не один год, и после поражения не все ее подручные сумели уйти через портал, а с тех, кто остался без поддержки своей богини, вмиг сошло заклятие личины. Народ русский по природе своей сердобольный, в капусту крошить да измываться над полоняниками не стал, а просто пристроил их всех к делу на общественно полезные работы. Больше всего этих полоняников оказалось в Заовражной

низменности, что резко сократило сроки строительства целлюлозно-бумажного комбината и типографии.

Сидевшая по левую руку от царя Василиса Прекрасная удрученно вздохнула:

— Может, государственными делами займетесь, бизнесмены?

— Угу, — закивал головой Гордон, — это мы запросто. Это мы сейчас. Так, кто еще царем-батюшкой подтереться хочет? — повысил голос державный.

— Что ты, государь! — загомонила боярская дума.

— Как можно!

— Вона каки новости в ей важные прописаны! Хре-зентация тюрьмы после евроремонта... Тьфу! Прости, господи! Слова-то каки непонятные, иноземные.

— Опять же на ей лик твой лучезарный нарисован.

— Рядом с иконами повесим. Молиться на него будем!

Это известие царя явно расстроило. Он понял, что акция получилась одноразовая и больше денегат по-легкому срубить не удастся. Впрочем, еще не все было потеряно. Со своего места поднялся боярин Жеребцов.

— Я вот только не понял, царь-батюшка, пошто царский сплетник лик твой светлый с каббалой антихристовой рядом начертал? — вкрадчиво спросил он. — И на граду объявил за решение этого хросс... кросс...

— Кроссворда, — подсказал Виталик, с трудом сдерживая зевоту. Он всю эту ночь не спал, готовя первый выпуск газеты, и усталость давала о себе знать.

— Хроссвор... Тьфу! Нехристь басурманская! И не выговоришь. Так я что сказать хочу, царь-батюшка. Уж не за голову ли твою светлую он награду объявил? А вопросы-то какие издевательские начертал! Ты только послушай, царь-батюшка! Кто сидит на лавке ровно, гневно посохом стуча?

— Что скажешь на это, сплетник? — весело спросил Гордон.

— А чего мне говорить? Вот кто отгадает да слово правильное в нужную строчку или столбец впишет, тому и награда достанется. Если, конечно, все слова правильно впишет.

Боярская дума зашуршала газетами.

— Кто же это может быть? — начал чесать затылок боярин Жадин.

— А сколько букв? — поинтересовался Гордон.

— А ты по клеточкам подсчитай, царь-батюшка, — хмыкнул Виталик.

Все начали считать.

— Четыре.

— Точно четыре.

— Кто же это может быть? — Василиса тоже заинтересовалась.

— Говорю же вам, антихрист он, колдун! — завопил боярин Жеребцов. — На костер его! Он и тебя, царица-матушка, околдовал, и думаю...

— Точно! Дума! — радостно треснул по подлокотнику трона царь, выудил из кармана карандаш и вписал первое угаданное слово.

Дума дружно треснула себя ладонями по лбу, да так что боярские шапки полетели на пол, и тоже начала портить бумагу.

— Я ж говорю, всех околдовал, — простонал боярин Жеребцов. — Куда только Малюта смотрит! На кол его надо, на кол!

Однако Малюте было в тот момент не до того. Забыв о том, что он работает здесь пугалом (именно для этой цели по совету Василисы Гордон начал приглашать его на заседания боярской думы), специалист по дыбе и испанским сапогам крадучись подбирался к трону, чтобы подсмотреть, что там на газете царапает державный.

— Чего тебе, Малюта?

— Да тут вопросик непонятный. Кто в темнице сырой за царя-батюшку горой? Пять букв.

— Иди отсюда! — зарядил царь скипетром по лбу Малюте. — Не подглядывай!

— Ну что тебе стоит! — заканючил палач, потирая набухающую шишку. — Ты ведь такой умный, первое слово сразу угадал...

— Иди отсюда, а то палачу отдам!

— Да я и есть палач.

— О! Точно. Палач!

Гордон с удовольствием вписал в кроссворд второе угаданное слово.

— Ну вот, и палача околдовал! — окончательно расстроился боярин Жеребцов и начал вписывать в кроссворд отгаданное Гордоном слово. — Гмм... а по буквам подходит. Действительно палач.

— А вы читали анекдот про конюха и купеческую дочку? — спросил кто-то из бояр.

Ответом ему был дружный хохот.

— Это что, — утирая выступившие от смеха слезы, выдавил из себя боярин Калита. — А вот анекдот про стрельца, который в шкафу от муженька зазнобы прятался...

Тут уже вся дума просто рухнула.

— И у кого-то еще хватает наглости ругать мою газету, — хмыкнул юноша.

— Слышь, сплетник, а награда-то какая будет? — Царь-батюшка азартно разгадывал кроссворд.

Свой бесплатный экземпляр газеты он получил гораздо раньше подданных, успел поржать над анекдотами, и теперь его интересовал только приз.

— Я хоть и не царь, — хмыкнул Виталик, — но награда будет царская, поверь мне.

Это обещание заставило всю думу встрепенуться, и бородатые бояре устроили настоящий мозговой штурм. Царский сплетник довольно улыбнулся. Все пока шло нормально, строго по намеченному им плану. Даже царь-батюшка ведет себя пока корректно. До сих пор не прокололся. А вот царица-матушка волнуется. Мо-

жет, стоило ее все же посвятить во все детали? Впрочем, теперь уже поздно.

— Слушай, сокол мой ясный, — не выдержала-таки Василиса, — это что такое? На заседаниях боярской думы государственными делами надо заниматься, а не кроссворды отгадывать. Вон китайский посол ждет не дождется, когда вы его вопрос решите.

— Да какие у него могут быть вопросы? — разозлился Гордон. — Дополнительные преференции на покупку дешевой бумаги себе выбить хочет. И не он один! Только вот им всем! — Пальцы державного сложились в дулю. — Торговать на наших условиях будем. А чего это китайский посол мне глазки строит? — нахмурился Гордон, заметив странные гримасы посла.

— А ты кукиш убери, — посоветовала Василиса. — На их родине так продажные женщины себя клиентам предлагают.

— Что?! — взревел Гордон. — На кол его!

— Никак нельзя, ваше царское величество, — сочувственно вздохнул Виталик. — Дипломатическая неприкосновенность, однако. Опять же войну нам объявят. Оно нам это надо?

— Да пока они до нас доберутся, в половецких землях сгинут. На кол!

— Царь-батюшка, а ты знаешь, сколько этих китайцев в Китае живет? — осторожно спросил Виталий.

— Сколько?

— Миллиард, если не больше.

— У-у-у... где ж мы их всех хоронить-то будем? Ладно, пусть живет. Не стоит превращать Русь в китайское кладбище. Да, посол, а ты чего, собственно, от меня хотел? Если насчет расценок на бумагу пришел говорить...

— Васаби... — сложив ручки на груди, начал кланяться посол.

— Что такое васаби? — нахмурился Гордон.

— Есть такое растение у них, — пояснил сплет-

ник. — Китай славится своими специями. Видать, хочет нам их втюхать в обмен на секрет книгопечатания и производство дешевой бумаги.

— И как оно на вкус?

— С нашим хреном рядом не стояло, — патриотично заявил Виталик.

— Так давай им наш хрен продадим, — обрадовался царь. — У нас этого хрена до хрена!

Василиса схватилась за голову.

— Да ему твой хрен на хрен не нужен! Ему технология производства газеты и бумаги нужна!

— Ну, это ты зря, царица-матушка, — хмыкнул царский сплетник. — Торговлю завсегда можно наладить. Они любят остренькие вещи.

— Ты этот вариант с ним проработай, — шепотом приказал Виталику Гордон.

— Как обычно, пятьдесят на пятьдесят? — так же шепотом спросил юноша.

— С ума сошел?! С тебя и двадцати пяти процентов выше крыши.

— Царь-батюшка, совесть поимей, мне земли надо поднимать, промышленность налаживать, к свадьбе с Янкой готовиться. А потом, где мои проценты за идею?

— Ты их уже получил. Двадцать пять и ни процента больше. Стоп, какие двадцать пять? Двадцать! Идея-то была моя.

— А...

— А то налог с тебя повышу до пятидесяти.

— Тьфу! Научил на свою голову бизнесу.

— Ну, вы закончили? — сердито прошипела Василиса.

— Еще нет, — поспешил уткнуться в газету державный.

— Опять! — простонала Василиса. — Заняться больше нечем?

— Да подожди ты, матушка! Всего три слова осталось. Сплетник, подскажи по-быстрому...

— Э нет, так не пойдет! — начал отнекиваться Виталик. — Своей головой думать надо.

— Да как ты смеешь, холоп! Я тебя на кол!

— Ни в коем случае! — заволновался боярин Жеребцов. — Мне всего два слова осталось отгадать. Пусть сначала приз выдаст, а потом можно и на кол. А еще лучше отрубить руки по самую шею, чтоб не писал всякую фигню! Хотя тот анекдот про тебя...

— Что, — взревел Гордон, — про меня?! А ну, где тут анекдоты? — начал листать он газету. — Я же вроде их все прочитал...

— Там имелся в виду не конкретно ты, а некий абстрактный царь, — успокоил его Виталик, — так что не парься.

— А-а-а... ну да, читал. Забавно. Хотя могу и на кол посадить.

— Учту на будущее, — пообещал Виталик.

Вопросы в первом напечатанном кроссворде были очень легкие, а потому скоро его почти все решили, но не до конца. Один, самый сложный, так и остался без ответа.

— Любимое холодное оружие ближнего боя японских самураев и асасинов... любимое оружие... Ну, сплетник, ты загнул! — расстроился боярин Калита. — Кто ж такое отгадает?

— Да, вопрос с подвохом, — почесал бороду Гордон.

— Катана, — сердито буркнула Василиса. Чувствовалось, что царице-матушке этот цирк уже надоел. — Вписывай, получай свой приз и берись за дело.

— Не подходит, — огорченно вздохнул царь, — тут всего три буквы.

— Сай! — радостно крикнул боярин Надышкин, вписал последнее слово и воззрился на Виталия. — Это такой кинжал, у которого гарда с двух сторон загибается вперед параллельно клинку. Только это любимое оружие не честных самураев, а ниндзя. Неправильно вопросы ставишь. Ну, где твой приз, сплетник?

— Сейчас будет, — успокоил его Виталик, мысленно потирая руки, извлек из кармана массивный золотой перстень и только тут заметил стремительно наливающаяся кровью лицо Гордона.

— Убью, сволочь!!! — Царь вырвал из рук сплетника приз, сорвался с трона и, потрясая скипетром, ринулся на боярина.

— Да что ж ты делаешь-то, царь-батюшка?! — взвыл Виталик.

Юноша одним прыжком настиг державного и повис у него на плечах.

— Его ассасины меня на перо посадить хотели, а я с ним либеральничать буду? На кол мерзавца! — продолжал бушевать царь, пытаясь зарядить скипетром по лбу боярину, но Виталик не давал.

Воевода с двумя дюжими стрельцами подскочили к Надышкину и скрутили его в бараний рог. Федот растерянно посмотрел на царского сплетника. Тот отрицательно замотал головой.

— В тюрьму, — показал он глазами на дверь.

— Я не понял, кто тут царь: ты или я? — окончательно рассвирепел Гордон.

— Ты, царь-батюшка, ты!!! — радостно завопила боярская дума. — На кол его, супостата! Пушай вместе с Надышкиным на ем повертится! Ишь, моду взял, царю-батюшке перечить!

— А вас не спрашивают! — рявкнул на них царь. — Все вон отсюда!

Боярскую думу вместе с китайским послом как ветром сдуло.

— Так что с ним делать-то? — покосился на Надышкина Федот.

Боярин извивался всем телом в руках стрельцов и мычал, пытаясь что-то сказать, но ему мешал торчащий изо рта кляп.

— В пыточную, — сердито буркнул Гордон, стрель-

нув виноватыми глазами на Виталика, и поспешил покинуть тронный зал.

— Ну, ты даешь, сплетник! — До Василисы дошел смысл происходящего. Царица поджала губы и решительным шагом пошла вслед за мужем.

— Господи, наконец-то! — расцвел Малюта, масляными глазами глядя на боярина Надышкина.

— Только попробуй хоть пальцем его тронуть до моего прихода, — сунул палачу под нос кулак царский сплетник.

— Ну, хоть испанский сапожок-то...

— Я тебе дам сапожок! Федот, проследи, чтобы этот маньяк без нас с царем-батюшкой наедине с ним не оказался.

— Сделаем, — кивнул воевода стрелецкого приказа.

Виталик тяжело вздохнул и пошел выручать своего венценосного друга. Он, конечно, и сам бы с удовольствием сделал Гордону втык за сорванную операцию, но раз за это дело взялась Василиса, то державного надо конкретно спасать.

Царский сплетник не ошибся. На дверь кабинета Гордона была наложена магическая печать, а ручка двери довольно ощутимо стрелялась током.

— Нет, ну что за дела! — расстроился Виталик. — Хоть бы табличку вывесили: «Не входить — убьет», череп с костями нарисовали. Учю их, учю. Тут же люди ходят!

Царский сплетник напряг слух. Из-за двери не доносилось ни одного звука. Похоже, Василиса заодно поставила и защиту от прослушки.

— Эх, не тому приз достался, — грустно вздохнул Виталий, извлек из кармана капсулу радионаушника и затолкал ее себе в ухо. Встроенный в призовой перстень радиомикрофон начал честно транслировать семейный скандал из кабинета державного.

— Ты что делаешь, урод? Такую хитроумную комбинацию царскому сплетнику загубил. Он тебе вражину

на блюдечке выложил, с помощью газеты своей хитроумной вычислил, даже я не сразу поняла, что наши тугомудрые бояре на такой вопрос ответа знать не могут. Только тот, кто с асассинами дела имел, такие тонкости об их оружии знает. А ты сразу на него с кулаками! Что, сдержаться не мог?

— Да как тут сдержаться, Василисушка? Этот изверг не только на меня, он и на тебя, и на детишек наших злоумышлял. Да я ему его посох боярский через задний проход по самые гланды воткну!

— А умнее ничего придумать не смог? Не с посохом его забавляться надо было, а слежку устанавливать, связи его прощупывать и только потом всю шайку разом накрыть!

— Да мы так и хотели...

Судя по звуку, Гордон схлопотал от своей благоверной хорошую затрещину.

— Это сплетник хотел, а ты уже дохотелся. — Из капсулы послышался еще один смачный шлепок.

— Да хватит тебе!

— Мы зачем царского сплетника начальником ЦРУ поставили?

— Чтоб на измене сидел.

— Вот именно, дубина!

— Ну, ты полегче, я все-таки царь.

— Болван ты, а не царь. Чтоб без сплетника на допрос к боярину не ходил.

— Это еще почему?

— Опять все испортишь. Ну, сплетник! Жаль, что его здесь нет. Так хочется ему чем-нибудь тяжелым заехать!

— Ему-то за что?

— Мог бы свою царицу-матушку предупредить! Я бы тебя тогда удержать сумела.

— Оу-у-у... — Виталик отскочил от двери и начал шустро перебирать ножками по коридору в сторону выхода из царского дворца. — Нет уж, меня в свои разбор-

ки впутывать не надо. Мне и Янкиного ухвата хватает. Что за садистские наклонности у этой семейки? И вообще, чего пристали? Я белый и пушистый, никого не трогаю.

— Ладно, уломала, — донесся до него из капсулы сердитый голос Гордона. — Где там царский сплетник? С ним в пыточную пойду.

— Да он уже Янке под бочок небось закатился.

— Срамота! Чем мне выговаривать, лучше б вместо матушки на союз брачный племяшку благословила. Виталик второй месяц меня насчет свадьбы трясет, а я ему ни бе ни ме ни кукареку. Без благословения мамки с папкой нельзя! Для него это, знаешь ли, не аргумент. Янка у нас числится сироткой, да еще и вдовицей до кучи, а его родители вообще хрен знает где! Попробуй вытащи их из Рамодановска!

— Гордончик, сокол мой ясный. — Тон Василисы сразу изменился. Судя по всему, она начала ластиться к державному. (Виталик невольно притормозил и затаил дыхание. Вот оно! Сейчас все выяснится.) — Ты же знаешь, что этого сейчас делать нельзя. Пока мы не разберемся с...

— Да пока мы разбираться будем, они внуками обзавестись успеют! Сама благословение не дашь, я за тебя это сделаю! Где там наш царский сплетник?

— Да что ж у тебя все время телега впереди лошади бежит? Видал, какие у него глаза сегодня были красные? Тебе не докладывали почему?

— Нет.

— Эх ты! Совсем своими подданными не интересуешься. Он всю ночь с Ванькой Левшой на его подворье газету и первый экземпляр печатной Библии делал.

— Вот я его и отблагодарю разрешением на свадьбу.

— Гордончик, пока мы все не выясним, не надо этого делать. И в пыточную с ним сегодня ходить не надо. Пусть отоспится, а потом со свежей головой...

— И что он со свежей головой? — ревниво спросил Гордон.

— Без всяких пыток у него все выведает. Он же хитрый! Пошли лучше в нашу спальню. Тебе после трудов праведных тоже отдохнуть не мешает.

— Но только чтоб в накрахмаленном передничке была, — сразу размяк державный.

— Как в прошлый раз? Буду, милый, обязательно буду.

— Опаньки! — округлил глаза Виталик и поспешил выдернуть капсулу из уха. — Ну, Янка. Больше ничего тебе рассказывать не буду. Все постельные тайны рамо-дановского бомонда выболтала. А вот насчет свадьбы что-то вы мне тут темните.

Это действительно было странно. Не только Василиса с Гордоном, но и Янка либо старательно избегали этой темы, либо откладывали решение проблемы на неопределенное «потом»...

2

Терем Янки Вдовицы давно уже стал для Виталика родным домом. Домом, в котором его ждут, домом, в который ноги сами несут. И это были не пустые слова. Не успел он переступить порог гридницы, как на него налетел счастливый вихрь, из которого материализовалась Янка. Девушка с ходу успела сделать сразу кучу дел: расцеловала его в обе щеки, добавила смачный поцелуй в губы, сдернула с головы сплетника боярскую шапку, с плеч горностаевую шубу с царского плеча и потащила все это в свою светелку, мелко топоча ножками по лестнице вверх.

Виталик улыбнулся, поставил боярский посох в угол гридницы и подсел к столу. По ступенькам вновь застучали ножки возвращающейся Янки. Еще миг, и девушка оказалась у него на коленях.

— Намаялся? — Начала она ластиться к любимому.

— Есть маленько, — устало улыбнулся сплетник, нежно поглаживая по волосам прильнувшую к нему девицу.

— Сейчас я тебя покормлю и в постель! — Янка прыгнула с его колен, метнулась к печке, отодвинула заслонку и начала выуживать оттуда заранее заготовленную снедь.

— Только вместе с тобой.

— С ума сошел?! День на дворе! А вдруг кто увидит?

Виталик рассмеялся. В некоторых вопросах Янка была страшной ретроградкой и категорически отказывалась заниматься любовью при свете дня, считая, что для постельных утех достаточно и ночи. В принципе ее можно было понять. Ее избранник стал в Великореченске такой значительной фигурой, что посыльные от царя-батюшки да Василисы постоянно ломились в их дверь. И это не считая криминальных авторитетов Дона и Кощея, которые тоже не обходили вниманием Янкиного кавалера. А если учесть, что, кроме этого, сплетнику приходилось решать дела возглавляемой им структуры под названием ЦРУ (Царское Разведывательное Управление), утрясать вопросы вотчины своей боярской да дела редакционные и типографские, то о чем может быть речь? Ему на все это дня не хватало!

Янка выставила на стол перед Виталиком чугунок с гречневой кашей, все еще горячую сковороду с жареным мясом и графин наливки.

— Яночка, ты у меня просто золото, — умилился сплетник.

— Одну рюмку, не больше, — твердо сказала девица, собственноручно наполнила стопку и убрала графин, — чтоб напряжение снять и как следует выспаться. Тебе ведь вечером еще выпуск первого номера отмечать?

— А куда деваться? — поморщился юноша. — Честно говоря, я бы лучше это время с тобой провел, но ведь не поймут, черти. Скажут: на святое покусился, обмывку зажал.

— Ничего. Я тебе с собой оберек дам. На шею повешишь. И настойку специальную перед уходом выпьешь.

— Зачем?

— Чтобы не захмелеть сильно.

— Ты будешь просто золотая жена. Да что я говорю! Ты уже золотая жена! — Виталик опрокинул в себя стопку и попытался сцапать девчонку, но она с хохотом вывернулась из его рук.

— Куда лапы тянешь, постоялец? Как смеешь приставать к девице незамужней?!!

Показав Виталику язычок, озорница умчалась в свою светелку стелить «постояльцу» постель. Юноша с сожалением вздохнул и навалился настряпню своей хозяйки, которая для него была одновременно и вчерашним ужином и сегодняшним завтраком, а заодно и обедом. С Ванькой Левшой они накануне так упарились в типографии, что забыли и о времени, и о еде.

После сытной трапезы Морфей окончательно одолел сплетника. Глаза слипались. Юноша едва доплелся до светелки Янки, скинул с себя одежду и мгновенно заснул, как только голова его коснулась подушки.

Сон был беспокойный. Его мучили кошмары. Лязг мечей, хрипы умирающих воинов, свист стрел, и он в самом центре дикой, яростной сечи с неведомым врагом. Внезапно в общую свалку врывается Янка в одной ночной рубашке. В руках ее ухват, которым она неловко отбивает направленные на него мечи. «Куда ты лезешь, дура?!» — в ужасе кричит сплетник. «Виталик! Уходи!!!» Янку сбивают с ног. Над ней поднимается окровавленный меч. Виталик, с ужасом понимая, что физически не успевает его отбить, прыгает вперед и падает на Вдовицу сверху, прикрывая ее своим телом. Кровавый туман застилает глаза, и сквозь него он различает неясную женскую фигурку, завернутую в сари. «Наконец-то я достучалась до тебя, воин мой. Слушай меня внимательно. Беда опять пришла на Русь, ломит-

ся в твою дверь. Береги женщин...» — «Что?!» — «Береги женщин!»

— А? Что? — подскочил сплетник.

Над ним стоял Васька, нетерпеливо тряс за плечо.

— Виталик, вставай. Стучатся.

— Кто стучится?

— Не знаю, но чувствую, что беда в дверь стучится. — Шерсть на загривке кота стояла дыбом. — Давай через окошко, потом через забор и бегом за Янкой.

— А где она?

— На базар за травками какими-то пошла.

И тут со стороны гридницы послышался тоскливый волчий вой.

— Да вставай ты скорей! — заволновался Васька. — Видишь, Жучок уже песню смерти запел.

— Чего городишь? — Спросонок соображалось туго. — Он что, под Акелу косит? Еще скажи, что рыжие собаки на наши джунгли напали. — Царский сплетник потряс головой, разгоняя сон, натянул на себя одежду, позевывая, спустился вниз и вышел через гридницу в сени, по дороге чуть не споткнувшись о существовавшего от страха Жучка, норовившего забиться под лавку.

— Куда тебя понесло? — простонал сзади кот. — Я ж сказал: в окошко, через забор и за Янкой!

— Да пошел ты, хвостатый!

В дверь действительно стучали. Робко, но настойчиво.

— Не открывай! — зашипел Васька.

Царский сплетник только отмахнулся, распахнул дверь и уставился на незваного гостя. Вернее, гостью. Перед ним, потупивши в землю взор, стояла девчушка лет шестнадцати с черными как смоль волосами, нервно теребя руками подол простенького сарафана. Виталий сразу понял, что она не местная. Скорее всего, прибыла в столицу из какой-то богом забытой деревеньки. Об этом красноречиво говорили торчащие из-под сарафана лапти. Великореченские представительницы пре-

красного пола такой фасон давно уже не носили, предпочитая лаптям туфельки и сапожки.

— Здравствуйте, дяденька, — тихо сказала девушка, поднимая на Виталика огромные голубые глаза.

— И тебе здравия желаю, девица-красавица, — хмыкнул царский сплетник и увидел через ее голову Янку.

Хозяйка подворья возвращалась домой с базара. Издалека увидев гостью, Вдовица перехватила поудобнее свою корзинку с травками и ускорила шаг.

— Царский сплетник здесь живет? — спросила девушка.

— Здесь. По какому вопросу к нему, милая?

— Поговорить с ним надо.

— Говори. Я царский сплетник.

Запыхавшаяся Янка притормозила неподалеку и начала прислушиваться к разговору.

— Ой, барин, наконец-то я тебя нашла. — В глазах девчонки заблестели слезы.

— Да что случилось-то? — заволновался Виталик. — Ты кто такая?

— Лилия меня зовут. Холопка твоя.

— Какая холопка?

— Из вашей деревни.

— Какой деревни? — потряс головой Виталик. — Я всю жизнь в городе прожил.

Все-таки соображал сплетник спросонок еще туго.

— А разве царь-батюшка не тебе Заовражную низменность отдал?

— Мне.

— Значит, холопка я твоя. Деревенька-то моя в Заовражной низменности находится. С поклоном к тебе пришла. Защиты прошу.

— Защиты?

— Защиты. На деревню нашу напали. Всех убили. Одна я осталась. В лесу была, травки собирала, потому меня и не нашли.

Янка подошла к девице вплотную, выдернула из своей корзинки красный цветок.

— Это что? — требовательно спросила она Лилию.

— Бессмертник песчаный, тетенька, — робко сказала девушка. — От живота хорошо помогает и когда в боку сильно колет. А еще от лишаев на коже...

— Ты чего свою подданную на пороге держишь? — накинулась на опешившего Виталика Янка. — В твоих землях беда. К тебе за помощью пришли, а ты рот раззявил, глазами хлопаешь. Барина крутого из себя разыгрываешь?

— Да нет, я...

— Проснись, дубина!

Янка схватила Лилию за руку и потащила ее в дом. Виталик еще раз потряс головой. Да, надо просыпаться. Закрыв за собой дверь, он прошел через сени во двор, поплескался под ручкомойником и с уже более свежими мозгами вернулся в гридницу, где Янка развернула бурную деятельность, накрывая на стол. А девчонка была голодна. С какой жадностью она набросилась на гречневую кашу, сдобренную молоком!

— Давно не ела, милая? — подсел к столу Виталик.

— Третий день, барин. — Девушка начала испуганно отодвигать от себя тарелку. — Но я не голодная. В лесу ягод много, орехов...

— Отвернись, бестолочь! — зашипела на Виталика Янка. — Не смущай девчонку. А ты ешь, не обращай внимания на этого обалдуя. Все доедай. Я тебе еще положу. Знаю я, каково это три дня на одних ягодах...

Царский сплетник виновато вздохнул, деликатно отвернулся и стал ждать. Ждать пришлось недолго, так как от второй порции Лилия отказалась.

— А теперь давай подробно, — повернулся к ней Виталий. — Где твоя деревня находится, как называется, кто напал, когда напал? Выкладывай.

— Из Подберезовки я, — еле слышным голосом сказала девица. — Деревня наша так называется.

— Это недалеко от Засечного Кряжа? — насторожилась Янка. — Где тролли обосновались?

— Да. Но они нас не трогают. Они хоть и глупые, но всех наших знают и договор блюдут. И гномы нас не трогают. Они тоже на Засечном Кряже живут, руду в горах добывают. И эльфийский лес рядом. Мы с эльфами дружно живем. Только я ни одного из них не встретила, пока до Великореченска добиралась.

— О нападении расскажи, — направил разговор в нужное русло Виталик.

— Я из леса возвращалась, когда из деревни крики слышала. Спряталась в кустах. Долго там сидела. Уже кричать перестали, а я все сидела. Испугалась очень. Потом, как стемнело, в деревню пошла, а там все мертвые. И мамка мертвая, и папка, и сестренки младшие с братишкой мертвые лежат, и старосту убили, и... и... всех убили. А тебя, барин, не было. Некому нас было защитить. Всех уб-и-или-и-и... — Лилия зарыдала в голос.

Виталик скрипнул зубами и попытался погладить черные как смоль волосы девчонки, но Вдовица зыркнула на него таким злым взглядом, что он поспешил отдернуть руку и правильно сделал. Янка сама взялась за подданную своего постояльца и начала утешать ее, что-то ласково шепча деревенской травнице на ушко. Это помогло. Как только Лилия немножко успокоилась, Виталий задал самый главный вопрос:

— Нападавших видела?

Все еще всхлипывающая девчонка кивнула головой.

— Видела. Они пролетали надо мной, когда из деревни возвращались. Хорошо, что я в кустах пряталась. Сквозь листву меня не заметили.

— Пролетали? — нахмурилась Янка. — И кто это был?

— Вампиры.

— Твою мать! — грохнул кулаком по столу Виталик, заставив Лилию съежиться от испуга. — Удружил Гор-

дон с владениями. Только проблем с вампирами мне до кучи не хватает.

Царский сплетник встал из-за стола и направился к лестнице, ведущей в покои хозяйки подворья.

— Ты куда? — тревожно спросила Янка.

— Народ поднимать.

— А что в моей светелке твой народ забыл?

— Народ там ничего не забыл, — сердито буркнул Виталик, остановившись на полпути, повернулся, покосился на Лилию. — А вот кто-то, не буду говорить кто, решил почистить мою шубу с царского плеча и шапку боярскую, а вернуть их хозяину забыл.

— Ох, прости, боярин светлый, прислугу свою неповоротливую, — язвительно сморщила носик Янка. — Ладно, сиди уж, сейчас принесу.

Девушка выскочила из-за стола, вихрем пронеслась мимо царского сплетника, взметнулась вверх по лестнице и скрылась в своей светелке. О том, что они, невенчаные, уже больше месяца живут как муж и жена, знали лишь Гордон с Василисой да Васька с Жучком. Для всех остальных это была тайна за семью печатями, и не было смысла эту тайну раскрывать посторонним.

3

К приходу Виталика в трактире «У Трофима» уже все было готово. Длинный ряд сдвинутых вместе столов радовал душу обилием выпивки и закуски. Но еще больше порадовало царского сплетника то, что его доблестная свита, щеголявшая в новеньких зеленых камзолах, ни к тому, ни к другому не притронулась, ожидая главного виновника торжества. Во главе стола было уставлено сразу два кресла, одно из которых явно предназначалось для Виталика, а второе для Ваньки Левши — главного технического исполнителя гениальных задумок царского сплетника.

— Кэп пришел!!! Ура!!! — ринулась к царскому сплетнику восторженная толпа.

— Качать его!!!

Волна энтузиазма сразу схлынула, когда бывшие пираты увидели мрачное лицо Виталика.

— Что случилось, капитан? — заволновался Семен.

— Боюсь, что праздник отменяется, — хмуро буркнул Виталик, посмотрел на расстроенные лица своей свиты и невольно усмехнулся. — Ладно, быстро все к столу, но водки не касаться.

Команду бывшие пираты выполнили молниеносно. Виталик лично наполнил свой кубок вином. Его свита повторила маневр. Царский сплетник особо не распилился.

— Ну, за первый выпуск нашей газеты, — провозгласил он емкий тост.

Все дружно выпили.

— На этом официальную часть программы будем считать законченной, — обрадовал друзей юноша. — А пока закусываем, я хочу, чтобы сотник доложил мне о том, как идут дела в наших землях. Что нового в Заовражной низменности, Семен?

— Да все, как обычно, — пожал плечами бывший боцман.

— Уверен?

— Кракеном клянусь, все нормально. Чтоб меня се-ледка съела! Я часа два назад с ребятами оттуда вернулся, на чествование твое спешил. Эльфы в лесах трудятся, гномы в Засечном Кряже трудятся, даже тролли трудятся. Гномам пороку крушить помогают, а эльфам лесины, на которые они указывают, валят и к Великой реке оттаскивают, к сплаву готовят. Все при деле, все нормально.

— Да нет, ребяташки, не нормально. Проблема в моей вотчине организовалась. Уже три дня назад организовалась, а мы о ней до сих пор не знаем. Плохо у нас

в Заовражной низменности связь с отдаленными деревеньками работает.

— Почему плохо? — обиженно насупился Семен. — Мы за этот месяц все деревни объездили, перепись населения сделали, как ты велел. Старост предупредили: ежели какие проблемы возникнут, чтоб гонца к чертовой мельнице слали.

— А если некому будет гонца слать? — мрачно спросил Виталик.

— Не понял, — нахмурился Семен.

— Если вырезали всех, вернее, выпили...

— В смысле, как выпили? — оторопел Семен.

— В смысле, вампиры выпили. Всю кровь до последней капельки из холопов моих верных высосали. Кто в таком случае к чертовой мельнице побежит? — нейтральным тоном спросил сплетник.

Все замерли.

— Какую деревню вырезали? — побелел Ванька Левша.

Юноша кинул на него сочувственный взгляд. Старшая сестра кузнеца Мария, командовавшая артелью каменщиков и плотников, и племянница Даренка, взявшая на себя функции стряпухи, работали над возведением церкви неподалеку от чертовой мельницы, где располагались рабочие цеха целлюлозно-бумажного комбината и стихийно организовавшийся при нем рабочий поселок.

— Подберезовку, — успокоил его Виталик.

Кузнец облегченно выдохнул.

— Кошей появлялся? — спросил сплетник.

— Еще нет, — ответил Семен.

— А Дон?

— И Дон не появлялся.

— Да-а-а, не заладился сегодня день, — пробормотал царский сплетник, — сначала Гордон мне всю малину изгадил, не дал гниду боярскую по полной программе раскрутить, а теперь еще и это известие. Так

что, ребяташки, наедайтесь впрок и готовьтесь в дорогу. Через полчаса выход.

— Ты куда, постреленок?!!

Шум возле входной двери заставил всех повернуться. Хозяин заведения Трофим попытался перехватить рвущегося внутрь питейного заведения шустрого вихрастого мальчонку лет семи, но тот ловко увернулся и, дробно топоча босыми пятками по деревянному настилу пола, вихрем пронесся к креслу, в котором сидел Виталик.

— Дяденька царский сплетник, дай копеечку.

— Это с какой еще радости? — невольно улыбнулся юноша.

— Дай!

— А что будет, если не дам? — заинтересовался Виталик.

— Тогда и я тебе не дам. — Парнишка выудил из-за пазухи грязной рубахи сложенный вчетверо лист бумаги. — Дяденька сказал, что ты мне за него копеечку дашь.

— А может, полушку? — прищурился Виталик.

— Не-э-э, полушку я с дяденьки за письмо получил, а с тебя копеечку возьму.

— За что ж такая немилость?

— Так ты ж царский сплетник, — шмыгнул носом мальчонка, — у тебя, чай, казна поболее, чем у Гордона, будет.

Несмотря на трагические известия, бывшие пираты грохнули, заставив задрожать стены трактира.

— Держи, коммерсант. — Виталий выудил из кармана мелкую серебряную монету и сунул ее в руки обалдевшего от такого счастья пацаненка.

Шлепнув на стол перед царским сплетником письмо, он вихрем вылетел из трактира.

Царский сплетник развернул лист и начал вчитываться в неровные строчки, написанные корявыми печатными буквами.

«Если хочешь узнать, что в твоих землях творится, приходи один в Лебяжий переулок через пятнадцать минут. Дольше ждать не буду. Если с собой кого приведешь, разговора не получится. Время пошло. Доброжелатель».

Виталий убрал письмо в карман, прикрыл глаза и на мгновение задумался. Кто бы ни был этот «доброжелатель», человек он явно неглупый. Времени выделил в обрез, чтобы сплетник не успел наspiговать окрестности своими людьми. И место выбрал глухое. Лебяжий переулок находился в Нижнем граде, за кварталом, в который любили заглядывать холостяки к девочкам мадам Ньюры. Место достаточно глухое, народу там ходило мало, а вот скрыться от нежелательного преследования проще простого. Здесь есть только два варианта: либо он действительно нарвался на тайного доброжелателя, желающего вступить с ним в контакт и слить какую-то важную информацию, либо его заманивают в засаду.

Виталик прикусил губу. Проблема почти как у Гамлета. Идти или не идти? Царский сплетник извлек из кармана монету. Может, кинуть? А-а, к черту! В его землях люди гибнут, а он тут монетками забавляется.

— Планы меняются. — Царский сплетник поднялся из-за стола. — К выходу быть готовыми через час. Ждите меня здесь.

— А ты куда, шеф? — тревожно спросил Семен.

— Дело одно есть. До моего прихода сохрани. — Юноша скинул на руки бывшего боцмана боярскую шапку и шубу с царского плеча, поправил на перевязи пистолы огненного боя и двинулся к выходу. — За мной никому не ходить, — предупредил он свою команду уже в дверях и покинул трактир.

4

Это все-таки была засада. Виталик даже застонал от огорчения, когда услышал треск плетня и грузный топот за своей спиной. Через забор соседнего подворья,

который он только что миновал, перемахнули сразу три бородатых мужика, и двое из них начали вытаскивать из-за голенищ ножи. А спереди дорогу перегородил до боли знакомый Виталию боярин с группой поддержки в виде еще четырех мужиков, вооруженных чем попало. Судя по всему, на дело работники ножа и топора собирались в спешке, так как два бородача по правую и левую руку от боярина сжимали в руках вилы, а один из тех троих, что были сзади, вообще догадался прихватить с собой косу.

— Ну что, допрыгался? — улыбнулся боярин Надышкин.

— Нет, доскакался, — проклиная себя за дурость, пробормотал юноша, выхватывая пистолы.

Царский сплетник привычно вошел в режим боя. Грохот одновременно выстреливших пистолетов огласил переулок. Мужики с вилами рухнули на землю, а отдача отшвырнула Виталика назад, прямо в объятия мужика с косой, в которого он вляпался как раз в момент его замаха, да так удачно, что свернул ему своим затылком челюсть. Коса перекочевала в руки царского сплетника.

— Три : ноль в мою пользу. А ты, боярин, — дурак, — радостно сказал Виталик, заряжая черенком косы под дых бородатому организму, пытавшемуся воткнуть в него сзади ножичек. — Ну, повезло тебе, сумел удрать, так какого черта здесь делаешь? Я ж этих придурков сейчас разделаю под орех и непосредственно тобой займусь.

— Убить! — приказал Надышкин.

— А самому слабó? — насмешливо спросил юноша, делая энергичный замах косой, который заставил отшатнуться последнего оставшегося на ногах за его спиной мужика, и с ходу, с разворота, нанес ему сокрушительный удар между ног.

— Оу-у-у... — простонал мужик, согнулся пополам, выронил нож и рухнул на землю, схватившись руками за причинное место.

Путь отступления был свободен, но царский сплетник и не собирался убегать. Теперь, когда противников осталось всего трое, это было просто смешно.

— Где ты таких пентюхов себе в охранники нанял? — поинтересовался Виталик, надвигаясь на боярина Надышкина. — А-а-а... понял, не нанял. Наверняка эти людишки с твоего удела оброк в город привезли, и ты их, неразумных, под уголовную статью сразу подвел. А они хоть знают, что их бежавший из тюрьмы боярин есть государственный преступник? Знают, что оказание помощи изменнику, покушавшемуся на жизнь царя-батюшки, карается смертью? Мужики, вы попали. Вам всем теперь плаха грозит.

Мужики начали стремительно бледнеть.

— Да кого вы слушаете? — подбоченился Надышкин. — Гниду худородную! Иноземца, нехристь поганую. Убить мерзавца!

Что-то неестественное почудилось сплетнику в тоне боярина. Фальшивило от него капитально.

— Убить, говоришь? — пробормотал юноша, перехватывая косу поудобнее. — И как ты это сделаешь?

Оставшиеся на ногах мужики переглянулись, бросили на землю свои ножи, перепрыгнули через забор и рванули наутек под залиvistый лай собак, бросившихся ловить нарушителей границ частного подворья.

— Кстати, боярин, спасибо за записку, — улыбнулся Виталик. — Очень любезно было с твоей стороны проинформировать следственные органы о своем местонахождении. А то лови тебя потом по всей Руси. Суд учтет это при вынесении приговора.

— Только тебя на вынесении этого приговора не будет!

Боярин выудил из-за пояса пистоль и навел его на царского сплетника. Это уже была серьезная заявка на победу, а потому сплетнику пришлось срочно менять тактику боя.

— Слышь, болезный, а ты уверен, что он у тебя заряжен?

— Уверен, — успокоил его Надышкин.

— А я бы на твоём месте проверил. Вдруг курок не взведен!

Боярин невольно перевел взгляд на свой пистоль.

— Взведен.

— Взведен-то он взведен, а пистолет все равно не выстрелит.

— Почему?

— Порох отсырел. Я даже отсюда вижу, как из дула вода капает.

Он все-таки сумел запудрить боярину мозги.

— Не может быть.

Надышкин развернул в другую сторону пистоль и заглянул в дуло. Остальное было делом техники. Отбросив в сторону косу, Виталик одним прыжком сократил разделяющее их расстояние и вцепился в пистоль, выворачивая вместе с ним руку боярина в сторону, так как он нужен ему был для допроса живой. Он услышал за спиной дробный топот сапог и краем глаза в процессе борьбы увидел вваливающуюся в проулок толпу стрельцов, спешащую сюда на выстрелы и шум драки.

— Не стрелять! — крикнул он. — Я...

Грохнул выстрел. Грузное тело Надышкина содрогнулось, глаза боярина расширились.

— За что? — просипел он, оседая на землю. — Мы же с тобой договаривались...

— О чем? — опешил царский сплетник, опускаясь рядом с умирающим на колени.

— Ты ж сам мне ответ правильный подсказал, — с трудом выдавил из себя боярин, держась за простреленную грудь, — про сай этот, будь он неладен. Ты ж сказал, что царице-матушке угрожают, сцену разыграть надо, чтоб злодея споймать. Что ж ты делаешь? Я тебе поверил... ты ж меня сам из тюрьмы выпускал...

В горле боярина забулькало, изо рта хлынула кровь, и тело Надышкина обмякло.

— Сплетник, я что-то не понял, чем он тебе помешал? — услышал юноша удивленный голос Дона.

Виталий поднял голову, и за спинами окруживших место трагедии стрельцов увидел криминального авторитета Великореченска.

— Не городи чепухи! — раздраженно буркнул юноша. — Это не я стрелял. Не видишь, что ли, даже курок не спущен, — тряхнул Виталик пистолем и уставился на спущенный курок. — Не может быть! Я бы почувствовал отдачу! — Царский сплетник взвел курок повторно, опустил дуло в землю и надавил на спусковой крючок.

Курок тихо шелкнул, высекая искры, но выстрела не последовало.

— Да ладно, не парься, — хмыкнул Дон. — Мы ж все понимаем, самооборона. Все подтвердят, зуб даю!

Однако по настороженным взглядам стрельцов Виталик понял, что эту версию никто подтверждать не собирается. Юноша внимательно посмотрел на Дона. Лицо великореченского криминального авторитета, как всегда, было закрыто белой маской, сложенные руки на груди, черный плащ, небрежно накинутый на плечи поверх белоснежного камзола, артикуляция губ, моторика, особенности речи — внешне все говорило, что перед ним именно Дон, и все же что-то было не так.

— Ты как здесь оказался? — поинтересовался юноша.

— Шел мимо. Тебя, кстати, поздравлять шел в трактир «У Трофима», а тут выстрелы, ну, мне и стало любопытно.

— Так, — Виталик строго посмотрел на стрельцов, — тащите всю эту гоп-команду, — указал он на разбросанные по проулку тела, — к воеводе. Что делать с мертвыми, пусть сам разбирается, а вот с живых пусть допрос снимет. Исполнять!

Стрельцы, все так же недоверчиво косясь на царско-

го сплетника, подняли с земли убитых и раненых и потащили их к стрелецкому воеводе.

— Как ты их вышколил, — одобрительно кивнул Дон. — Даже сейчас навтыяжку перед тобой стоят, любовью приказ исполняют. Завидую. Так что, идем праздновать?

— Прошу прощения, Дон, но праздник отменяется. Вернее, откладывается на неопределенный срок. Сам видишь, возник ряд проблем, которые мне надо срочно утрясти.

— Да? Странно. У Кошея тоже какие-то трудности вдруг появились. Ладно, подождем. До встречи, сплетник.

Виталий проводил Дона задумчивым взглядом; когда он исчез за поворотом, подобрал с земли свои разряженные пистолеты, сунул их за перевязь и направился в обратный путь. На душе скребли кошки. Кажется, он крупно попал. Сначала дурная выходка царя-батюшки на утреннем заседании боярской думы обломала ему тщательно продуманную операцию по вычислению «крота» в думе и дальнейшую его разработку, а потом вдруг выясняется, что главный злодей-то — царский сплетник. Он боярина во все тяжкие пуститься заставил. Вот это номер! Теперь события понесутся вскачь, а он еще не свел концы с концами. Однако надо поторопиться.

Миновав ворота, отделяющие Средний град от Верхнего, царский сплетник свернул на улицу, ведущую к трактиру. Дорога шла мимо родного дома, и он уже издалека увидел довольно солидную толпу, судя по одежде, состоящую из купцов и посыльных от иноземных послов. Толпа внимательно слушала напыщенного господина, наряженного в одежду приказчика. Как ни торопился Виталик, но встречаться с надоедливими просителями ему не хотелось, и он свернул с прямого пути, нырнув в ближайший проулок, чтобы зайти к подворью Янки Вдовицы с тылу, но невольно затормозил, когда до него дошло, о чем вещает приказчик.